

² В гегелевской философии эта противоположность представлена так; качество как наличное бытие отрицается сущностью и существованием. Правда, здесь это вплетается в логическое движение, и определения не противостоят друг другу, а одно снимается другим.

³ См.: Vlastos Gr. Ibid. P. 247.

К. В. Лощевский*

«ТИМЕЙ» И ПЛАТОНОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Постановка вопроса о языке в контексте диалога «Тимей» представляется совершенно оправданной, ибо в нем исследуются две отдельные, хотя и чрезвычайно тесно связанные темы: во-первых, это — описание генезиса, а вернее генетической структуры зримого космоса, а, во-вторых, постановка вопроса о языке, адекватном такому описанию.

В посвященном языковой проблематике диалоге «Кратил» язык, рассматриваемый прежде всего как совокупность знаков, представлен таким образом, что в имени как языковом знаке можно выделить два существенных аспекта, которые только в своей взаимопринадлежности составляют имя как факт языка — означаемое и означающее. Означающее есть определенный звуковой комплекс, который достаточно произвольно поставлен в соответствие с означаемым — тем, что собственно высказывается в

---

* *Лощевский Кирилл Владимирович* — аспирант кафедры истории философии философского факультета СПбГУ.

имени, его идеальным аспектом, тождественным идеальному аспекту именуемого. Этот идеальный аспект имени представляет собой чистую форму, структуру — семантическую константу, семантика которой определяется самим ее строением. Эта структура и есть λόγος, определение; языковой эквивалент определенного фрагмента структуры истинно сущего, умопостигаемого бытия.

Кроме того, на основании анализа означающих Платон выделяет еще одну структуру, образованную совокупностью неких параллельных идеям устойчивых моментов, присущих эмпирическим вещам и в той же степени выступающих в качестве референтов имен. Эта вторая природа вещей, которой уподобляются имена и подражают именуемые, — тот характерный способ, каким вещи ведут себя в качестве тех или иных (действуют, πράτουσιν), то есть устойчивых, могущих быть воспринятыми и осмысленными как те же самые, — лучше всего могла бы быть обозначена греческим словом ἦθος: совокупность особенных черт, составляющих характерный рельеф, по которому нечто может быть узнано и идентифицировано как нечто особенное и в то же время типическое. ἦθος есть феноменально сведенная в единство совокупность действий (πράξεις) данной вещи, она есть результат опыта, в основании которого лежит отождествление зримого и сущего. Поэтому, исходящее из такого истолкования, совершаемое в обычной речи именование не может иметь достаточного онтологического обоснования, и его неподлинный характер не только не позволяет познавать из учрежденных таким образом имен, но, напротив, скорее затрудняет познание.

Но в то же время исследование сущего может быть представлено как критика неистинности связей, образующих структуру обыденного, коренящегося в опыте языка

и отыскание связей истинных, устанавливающих его идеальную структуру, тождественную структуре истинно сущего.

Методология такого исследования дана в диалоге «Софист», где во вполне обыденных вещах обнаруживаются связи, позволяющие структурировать те или иные «фрагменты действительности» согласно тому или иному принципу, а затем полученная в результате этого схема используется для постижения структур, имеющих сверхэмпирическую природу.

В «Тимее» же мы сталкиваемся с совершенно иной задачей: исследованием зримого космоса не столько в его отношении к идеальному и в его обусловленности последним, сколько в его отношении к тому, что идеальному противоположно, или, другими словами, «Тимей» представляет собой исследование иного, причем не в его умопостижимой противоположности умопостижаемому же тождественному, а в том, как оно проявляет себя в конкретных эмпирических явлениях, совокупность коих составляет зримый космос.

Исследование иного, осуществляющееся, как и любое исследование, при помощи языка, обращает нас к теме «язык и противоположное Уму необходимое», или, говоря современным языком; «язык и неинтенциональное», «язык и бессознательное». Если диалектику можно представить как критику языка, то обращение к иному, в языковом контексте, означает рассмотрение того, как это иное обнаруживает себя в языке, причем речь идет не об исследовании конкретной языковой специфики, не о лингвистике, а о выяснении принципиальной инаковости речи как манифестации бессознательных, то есть имеющих свой исток в ином, душевных аффектов.

Это означает обращение к тому слою языка, который находится еще глубже, нежели его «этическая» структура, к тому, что является даже не артикуляцией опыта, а, как уже говорилось, непосредственной манифестацией иного, того, по отношению к чему сам термин структура вообще вряд ли может быть отнесен.

Однако, как и в случае диалектического рассуждения, в исследовании иного язык представляет собой не только поле исследования, но и его органон, создавая тем самым определенные препятствия на пути его осуществления: если неистинные языковые связи заслоняют собой истинные, а тем самым иное посредством языка подменяет собой тождественное, и последнее нуждается в тщательном и весьма трудоемком отыскании, то в данном случае обусловленные структурой истинно сущего языковые формы затрудняют доступ к тому, что является в языке иным как таковым.

Всякое структурирование, неизбежно совершаемое самим языком в силу присутствия в нем идеального, уже искажает природу исследуемого иного. Это объясняет тот факт, что о том, что лишено всякой бытийной основы, можно говорить лишь с некоторой степенью вероятности или правдоподобия, используя по отношению к нему определенные аналогии с тем, что доступно повседневному опыту. Это правдоподобие (τό ἐκός) косвенным образом указывает на то, что референтом имени в таком вероятностном или правдоподобном языковом употреблении является не идея и даже не ἦθος, ибо в таком случае все же можно было бы редуцировать феномен к его устойчивой умопостигаемой природе, а то, что в этом феномене совершенно не редуцируется к тождественному, сущему в истинном смысле, то есть само иное, или, говоря совре-

менным языком, неинтенциональное в содержании ноэтического акта, к каковым актам относится и всякий раз осуществляемая в языковом употреблении номинация.

Таким образом, по всей видимости, следовало бы выделить еще один, третий референт имени, в качестве которого выступало бы само иное.

Однако, возникает вопрос: может ли быть референтом имени неинтенциональный слой опыта? Ответ несомненно должен быть отрицательным: ведь в таком случае мы должны были бы утверждать за иным некий смысл, структуру, единство и устойчивость, что лишило бы его самой его инаковости.

Поэтому иное может выступать в качестве предмета обсуждения, субъекта высказывания, только в результате некоего, как говорит Платон, незаконнорожденного мышления или поддельного, ложного заключения (*τι νόθος λογισμός*). Само обращение к теме иного самого по себе — не более, чем забава, игра (*παίδία*, а не *παίδεῖα*), занятие, подобающее более детям, чем ученым мужам, хотя мы с высоты современного мышления знаем, что игра собственно и составляет суть нашей жизни: говорить о том, о чем следует молчать.